

ПАСХАЛЬНЫЙ
НУМЕРЪ

6-7

ВЪ
СВѢТѢ
ИЗМѢ
НѢ

158

Апр. 14

ДѢТСКІЙ МІРЪ

Содержаніе: Стихотв. Ночь. Н. Гиляровская. — У моря. Петровъ-Леонидовъ. —
Подъ свѣтлый праздникъ. Разсказъ Н. Н. Клинскаго. — Отъ чего сосна шумитъ.
(Легенда). Н. Степаненко. — Рисунки: Чѣмъ богаты — тѣмъ и рады! — Наши барыши —
мѣдные гроши.

Чѣмъ богаты — тѣмъ и рады!

№ 6.

1 Апрѣля
1908 г.

Н о ч ь.

Дали подернулись дымкой,
Звѣздъ разгорается станъ,
Вижу встаетъ невидимкой
Сѣрый печальный туманъ.
Солнце веселое скрылось
За потемнѣвшей горой,
Ночь безмятежно спустилась
Надъ утомленной землей.
Зарево въ небѣ тускнѣетъ,
Робко горятъ облака,
Небо красиво блѣднѣетъ,
Паромъ клубится рѣка.
Въ сизомъ туманѣ видѣнья
Тихо встаютъ надъ водой:
Вертится, пляшетъ въ смятеньи
Дѣдушка самъ водяной.
Лѣшій въ лѣсу завываетъ,
Крошки русалки толпой
Тамъ хороводъ собираютъ,
Пляшутъ съ веселой луной.
Сказкою ночь озарилась,
Сказкою свѣтитъ луна,
Сказка въ туманѣ спустилась
Робко чаруетъ она.
Сказкою волны сверкаютъ,
Сказкой качается лѣсъ,
Сказкою звѣзды мерцаютъ
Съ тихихъ далекихъ небесъ.

Сказкой тростникъ шелохнется,
Сказочны волны рѣки,
Сказкою рыбка плеснется,
Сказкой горять свѣтляки.

Н. Гиляровская.

У моря.

Бѣлою пѣной покрытыя волны
Къ берегу мчатся съ стенаньемъ глухимъ;
Спрятались въ пристань рыбацкіе чѣлны:
Море играетъ,—не справиться съ нимъ!
Яркій дискъ солнца, проглянувъ сквозь тучи,
Брызнулъ на море потокомъ лучей;
Этотъ потокъ ослѣпительно—жгучій
Кажется нынче острѣй, горячей.
Бѣлыя чайки кружатъ надъ водою;
Бѣлая пѣна на гребняхъ морскихъ...
Къ самому морю, наскучивъ толпою,
Я удалился отъ взоровъ людскихъ.
Здѣсь все такъ мощно, такъ жутко—красиво
Вѣчной природы живой красотой...
Сердце здѣсь бьется свободно и живо
Яркою мыслью, горячей мечтой.

Петровъ-Леонидовъ.

Ницца, 16/29 янв. 1908 г.

Наша барышня — медвяные гроши.

Подъ свѣтлый праздникъ.

Разсказъ Н. Н. Клинскаго.

I.

Въ субботу на Страстной недѣлѣ Володя проснулся очень рано.

Причинъ для этого было очень много. Во-первыхъ, Володя легъ вчера спать очень рано и не покушавши и теперь чувствовалъ себя очень голоднымъ. Во-вторыхъ, вчера былъ день полный разныхъ непріятностей и, въ третьихъ, наконецъ потому, что, проснувшись среди ночи, Володя увидалъ, что мать не спитъ, а лежитъ въ постели и слезы градомъ бѣгутъ изъ ея глазъ.

Все это разстроило его и разбудило теперь раньше обыкновеннаго.

Володя поднялъ голову и оглядѣлъ комнату. Это была довольно большая и свѣтлая комната, но почти безъ всякой обстановки. У одной стѣны стояла кровать мамы. Въ углу помѣщалась кровать Володи. Между окнами стоялъ простой бѣлый деревянный некрашенный столъ и около него четыре стула. Вотъ и все, что было въ комнатѣ.

Володя посмотрѣлъ и увидѣлъ, что мама еще спитъ.

Володя задумался и сталъ вспоминать, какъ хорошо жилось прежде, когда папа былъ живъ. Онъ былъ извѣстный художникъ и зарабатывалъ много денегъ. Но скоро два года, какъ отецъ умеръ, и Володя остался одинъ съ мамою, и жить имъ становилось все труднѣе и хуже.

Мама послѣ смерти папы переѣхала въ свой родной городъ и поступила куда-то на службу. Рано утромъ уходила она изъ дома и возвращалась только къ вечеру. Но вотъ почти уже два мѣсяца, какъ мама захворала и не можетъ не только выходить, но даже вставать съ постели.

Все это такъ печально и грустно.

А вчерашній день? Сколько принесъ онъ неожиданностей для Володи и сколько непріятностей для мамы.

Вчера Володя только-что всталъ, какъ услыхалъ въ кухнѣ какой-то топотъ и крикъ. Оказывается пришелъ дворникъ и непременно требуетъ видѣть барыню.

Кухарка, Авдотья, говоритъ, что барыня больна и что ее видѣть нельзя, а дворникъ лѣзетъ въ комнату къ больной, стучить сапогами и, отворяя дверь, громко кричитъ съ порога:

„Такъ что хозяинъ прислалъ. За квартиру не заплачено, пожалуйста вонъ... Говорить, пускай праздникъ, Христа-ради, проживуть, а на Фоминой безпримѣнно гони ихъ вонъ и денегъ брать не моги. Намъ такихъ не требуется... Такъ, значитъ, ищите квартиру и съѣзжайте“...

Боже мой, говоритъ съ постели мама, не кричи ты такъ, Михайло, и скажи хозяину, что я сегодня жду денегъ, жалованіе со службы, и сей-

часъ же пришлю ему за квартиру...

„Ни въ какомъ случаѣ, сударыня. Хозяинъ такъ и ска-

залъ: скажи, чтобъ убирались вонъ и денегъ брать не смѣй, а на Фоминой, коль не съѣдутъ, къ мировому“...

— Ладно, хорошо, стонетъ мама, уходи только ты, Михайло.

Дворникъ ворчитъ и уходитъ...

Мама волнуется и все ждетъ дядю Павлина. Онъ собственно не дядя, но онъ старый, престарый и Володя очень любить его и по-пріятельству зоветъ его дядею, а Павлиномъ потому, что его фамилія Павлиновъ.

— Что это дядя Павлинъ не идетъ? въ десятый разъ спрашиваетъ мама, безпокойно ворочаясь на кровати.

Но вотъ пришелъ и дядя Павлинъ.

Это былъ маленькій, худенькій, весь сморщенный старичекъ съ ослѣпительно бѣлою бородою и розовыми щеками, одѣтый въ старый оборванный бархатный пиджакъ.

Видъ у него что-то нерадостный, и невеселыя вѣсти принесъ онъ съ собою.

— Гдѣ вы пропали, дядя Павлинъ? — спрашиваетъ мама, — тревожно и пытливо всматриваясь въ его лицо и стараясь по выраженію лица угадать какія вѣсти онъ принесъ.

— Да что, матушка, — сразу начистоту начинаетъ докладывать дядя Павлинъ, — что грѣха таить, плохо наше дѣло. Денегъ-то въ конторѣ не дали... Мы, говорятъ, и такъ за прошлый мѣсяцъ заплатили ни за что, а больше платить не желаемъ. Пожалуй, подождемъ еще одинъ мѣсяцъ, кстати тутъ праздникъ, не поправится къ тому времени Марья Никитична, другую на ея мѣсто возьмемъ, намъ ждать нельзя... Я просилъ, просилъ, кланялся, кланялся, да такъ и ушелъ ни съ чѣмъ...

Закручинилась мама, даже въ лицѣ потемнѣла.

— Какъ же быть теперь? — спрашиваетъ она.

— А не безпокойтесь матушка,—отвѣчаетъ Павлинъ,—такъ оно и будетъ все по-старому.

— Какъ по-старому, чудакъ вы, старый? Вотъ сейчасъ дворникъ былъ, хозяинъ съ квартиры гонить... Я общала сегодня заплатить, а теперь не то что за квартиру и самой-то ѣсть нечего будетъ... Нечѣмъ и праздникъ встрѣтить и разговѣться...

— Да, вѣдь, не на что... вѣдь и у васъ, Павлинъ, денегъ нѣтъ...

— Нѣтъ денегъ, это вѣрно, матушка. Какія у меня деньги? А все-таки не по-вашему будетъ, а по-моему.

Поспорила мама со старикомъ, да того не переспоришь, такъ и отстала. Поплакала только.

Такъ прошелъ весь день пятницы, скучный и тяжелый.

Вечеромъ Володя легъ спать очень рано и почти заснулъ, какъ услыхалъ разговоръ мамы съ дядею Павлиномъ и сталъ внимательно слушать.

— За что вы, матушка, съ отцомъ своимъ разсорились?—спрашиваетъ дядя Павлинъ.

— Изъ-за моей свадьбы,—отвѣчаетъ мама.—Мой отецъ человѣкъ богатый, независимый и гордый. Узналъ онъ, что я за покойнаго мужа, Сережу, замужъ выйти хочу, и рассердился. Кто такой твой женихъ, говоритъ... Маляръ какой-то. Не маляръ, отвѣчаю, а художникъ и хорошій художникъ, а главное не то, что онъ хорошій художникъ, а то, что онъ также и хорошій человѣкъ...

— Что такое хорошій человѣкъ, нищій онъ—вотъ что, и беретъ онъ тебя замужъ не за тебя самое, не за красоту твою, не за сердце твое ласковое, а за твое богатство, на деньги мои зарится. Думаетъ, отецъ богатый, большое приданое дастъ. А я возьму, да ничего тебѣ и не дамъ и замужъ за него выйти не позволю. Ваша воля, отвѣчаю, дать

или не дать, но только намъ отъ васъ ничего и не надо, а силкомъ вы меня отъ моего суженаго не удержите. Люблю я васъ и жалко мнѣ васъ, но своего счастья я вамъ не уступлю. Долго мы между собою воевали, но и у меня характеръ твердый. Кончилось тѣмъ, что я ушла изъ дома потихоньку, и мы тайно повѣнчались, а съ тѣхъ поръ отецъ меня ни знать, ни видѣть не хочетъ. Не можетъ забыть старой обиды.

* *
*

Все это припоминаетъ теперь Волядя, лежа въ своей постелькѣ, а мама тѣмъ временемъ уже проснулась, смотреть на него и говорить:

— Что такъ рано проснулся, Володя? Чего это тебѣ не спалось?

Всталъ Володя, одѣлся, умылся на кухнѣ, помолился Богу, поздоровался съ мамою и побѣжалъ въ небольшую комнатку рядомъ провѣдать дядю Павлина.

Дядя уже проснулся и курилъ трубку, сидя на креслѣ у окна.

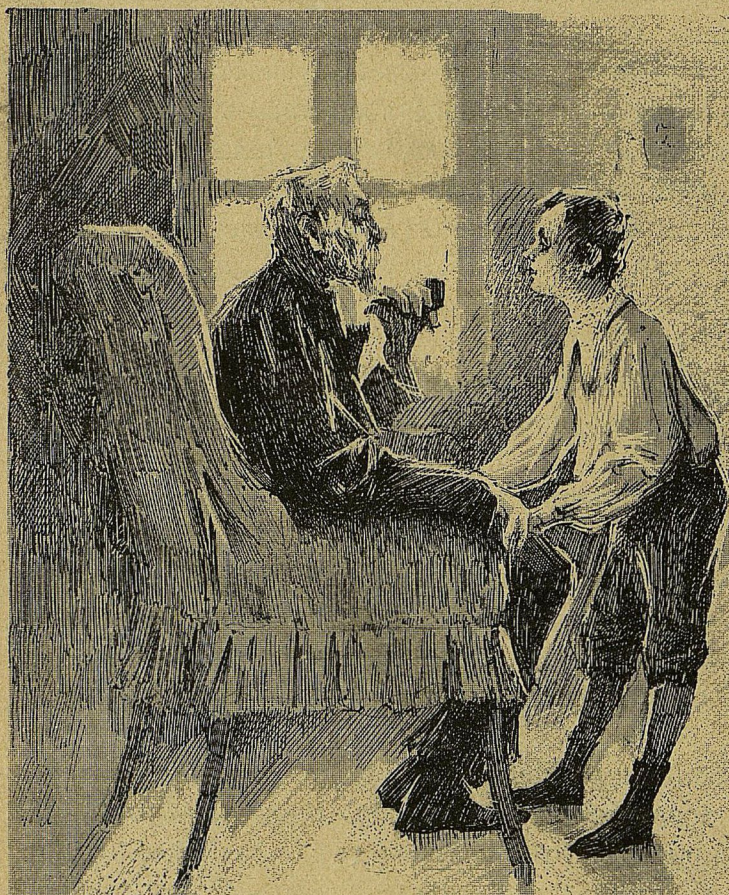
— А-а... Владимиръ Непромѣхъ, привѣтствовалъ онъ Володю. Такое прозвище дядя Павлинъ придумалъ самъ для Володи и выговаривалъ его съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

— Какъ, государь, спали, почивали, что во снѣ видѣли?

— Спасибо, дядя, тебя во снѣ видѣлъ, отвѣчалъ Володя, цѣлуя старика. Съ добрымъ утромъ, пойдемъ чай пить. Мама зоветъ.

Напились чаю. За чаемъ велись все дѣловые разговоры. Дядя Павлинъ объявилъ, что онъ сейчасъ же послѣ чая уйдетъ на охоту.

— На какую охоту? съ недоумѣніемъ спросилъ его Володя.

В. Козлов

— За деньгами, сударь, за деньгами. Старь я немного для этой охоты, но что подѣлаешь, надо постараться. Знаю я тутъ одно мѣсто, гдѣ этого звѣря много водится. Трудно только туда пробраться, ну да какъ-нибудь проберемся. Во всякомъ случаѣ я задержусь и ранѣе вечера домой не вернусь. Кстати, вы ужъ тутъ ничего не покупайте, я все самъ куплю и принесу.

— Не на что намъ и покупать-то,—отвѣтила мама.—У меня всѣхъ денегъ меньше рубля осталось.

— А къ заутренѣ ты пойдешь, дядя, или нѣтъ?—спросилъ Володя. Ты вернешься поздно и устанешь.

— Непремѣнно надо сходить, воодушевляется дядя Павлинъ, и щурить свои подслѣповатыя глазки. Какъ же такой праздникъ и безъ заутрени!

— И я съ тобой.—Мама, ты позволишь?—спрашиваетъ Володя.

— Что же, мой мальчикъ, иди, помолись. Только проснешься ли ты?

О! Я сейчасъ же встану, мама. Ты только кликни меня, когда нужно будетъ вставать.

Дядя Павлинъ одѣлся и ушелъ.

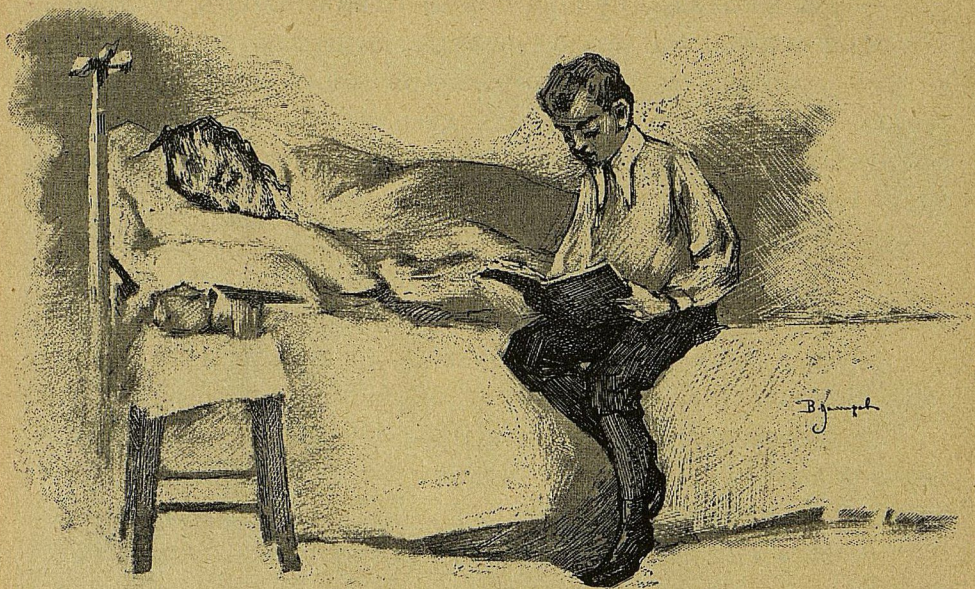
Володя побродилъ по комнатѣ, вытеръ кое-гдѣ пыль по указанію мамы, кое-что прибралъ, подмелъ комнату, сбѣгалъ на кухню къ старой кухаркѣ, Авдотѣ, съ нею поболталъ немного и вернулся опять въ комнату.

— Ты бы, Володя, почиталь что-нибудь вслухъ, а я подремала бы...

Володя досталъ свою любимую книгу, Робинзонъ Крузо, и сталъ его читать вслухъ.

Почитавъ немного онъ вдругъ остановился и спросилъ:

— Мама, скажи пожалуйста, я вчера не спалъ и слышалъ, какъ ты разговаривала съ Павлиномъ, — за что же

разсердился на тебя дѣдушка, когда ты вышла замужъ за папу?

— Онъ не хотѣлъ, Володя, чтобы я это дѣлала, а когда я не послушалась и сдѣлала по-своему, онъ и разсердился.

— А почему онъ не хотѣлъ, чтобы ты за папу замужъ шла? Вѣдь папа былъ хорошій человѣкъ?

— Конечно, Володя, нашъ папа былъ золотой человѣкъ, но дѣдушка не любилъ его...

— Почему же онъ не любилъ его, если онъ былъ хорошій?

— Дѣдушка мало зналъ его, а потомъ дѣдушка безъ ума меня любилъ и думалъ, что если я и выйду замужъ, то непременно за какого-нибудь сказочнаго принца, а бѣдному художнику, какимъ былъ твой отецъ, далеко до принца въ представленіи обыкновеннаго человѣка.

— Значить, дѣдушка не хорошій?

— Ничуть, Володя. Дѣдушка тоже хорошій и честный человѣкъ, но у него свои взгляды на жизнь. Многое изъ того, что цѣнили мы съ твоимъ отцомъ, дѣдушка никогда понять не могъ.

— Онъ тебя бросилъ, разлюбилъ, развѣ это хорошо, мама?

— Не онъ меня, а я его бросила первая, а чтобы онъ разлюбилъ меня, я не думаю...

— О чемъ же ты плакала ночью, мама?

— Не спрашивай, мальчикъ..! Обо всемъ плакала, о себѣ, о дѣдушкѣ, о покойномъ твоёмъ отцѣ, а больше всего, пожалуй, о самомъ тебѣ... Не будемъ объ этомъ говорить, Володя. Пойди лучше побѣгай немного по двору...

День въ хлопотахъ прошелъ незамѣтно. Насталъ вечеръ. Дядя Павлинъ все еще не приходилъ. Около 8 часовъ Володя легъ, не раздѣваясь, спать и строго на-строго наказалъ мамѣ разбудить его въ 11 часовъ.

Заснулъ Володя и видитъ сонъ, что нельзя ему итти къ заутренѣ. Дядя Павлинъ давно ушелъ и ключъ отъ двери съ собою унесъ. Стучится Володя въ дверь, но никто не хочетъ отворить ему. Какъ быть? А тамъ, съ улицы, кто-то нѣжно зоветъ его съ собою. Хорошо, догадался Володя, дверь заперта, а окно на что? Тутъ невысоко, я живо спрыгну. Отворилъ Володя окно, вскочилъ на подьоконникъ, прыгнулъ и... проснулся.

Протеръ глаза Володя, посмотрѣлъ на часы и видитъ уже 11 часовъ. На столѣ по-прежнему горитъ лампа, а на кровати лежитъ мама и глаза у нея печальные, препечальные.

Не приходилъ еще дядя Павлинъ, — говоритъ мама и угрюмо вздыхаетъ. Знать случилось еще какое новое несчастіе.

— А какъ же заутреня, мама?

— Какая заутреня, Володя. Ложись-ка, да спи. Дядя Павлинъ теперь едва ли сегодня придетъ...

Закручинился Володя. Захотѣлось ему во что бы то ни стало, попасть къ заутренѣ. Присталъ онъ къ мамѣ, отпусти, да отпусти его одного въ церковь! Долго не соглашалась мама, но наконецъ уступила.

— Ну, хорошо, Володя, такъ и быть, позволяю. Ступай съ Богомъ. Только смотри въ давку не лѣзь, въ церкви не балуй и послѣ заутрени сейчасъ же домой. Помни, что если что случится съ тобою, я умру отъ горя.

— Нѣтъ, мама милая, ничего не случится, а я услышу Христось Воскресе..! Это такъ хорошо.

Володя торопливо одѣлся и поцѣловалъ на прощаніе маму.

— Съ Богомъ, — сказала мама. Возьми тамъ у Авдотьи денегъ на свѣчку.

Володя ушелъ.

II.

Тиха и безмятежна пасхальная ночь. На небѣ ни облачка, и тысячи звѣздочекъ ласково и привѣтливо смотрятъ внизъ и безмолвно говорятъ о чемъ-то важномъ и значительномъ. Откуда-то теплый вѣтерокъ.

Жутко стало Володѣ, когда онъ очутился одинъ на пустынной темноватой улицѣ. Ни разу еще въ жизни ему не приходилось ходить по улицѣ такъ поздно и одному. Онъ даже немного оробѣлъ и подумывалъ, не вернуться ли ему назадъ домой, но желаніе побывать въ церкви превозмогло, и онъ храбро рѣшилъ итти впередъ. Встрѣчныхъ совсѣмъ не попадалось, зато впереди и позади въ томъ же направленіи, какъ онъ шелъ, двигались какія-то тѣни, при-

чемъ тѣ изъ нихъ, которыя были впереди, казалось, убѣгали отъ него, а заднія, напротивъ, старались догнать.

Путь былъ недалекій и хорошо знакомый. Вотъ пройти еще немного и свернуть въ переулокъ, а тамъ тутъ же сейчасъ и большая бѣлая церковь.

Какъ все тихо и покойно. Володя у церкви догналъ нѣсколькихъ спѣшившихъ людей и вмѣстѣ съ ними вошелъ въ церковь.

Было близко къ двѣнадцати и въ церкви шла полунощница. Въ притворѣ и въ дверяхъ стояли и входили люди съ пасхами и куличами и, заботливо охраняя свое добро, отчаянно толкались и лѣзли впередъ.

Помня наказъ мамы, Володя, пробравшись въ церковь, свернулъ налѣво и, купивъ себѣ за три копѣйки маленькую свѣчку, сталъ осторожно пробираться впередъ.

Въ церкви было уже тѣсно и душно. Люди располагались отдѣльными семьями, праздничные, нарядные. Вездѣ стояли стулья со снятою верхнею одеждою, занимавшіе много мѣста, что еще болѣе увеличивало тѣсноту.

Володя рѣшилъ пробраться въ самый передъ, къ образамъ и выбрать тамъ себѣ мѣстечко посвободнѣе. А, вотъ какъ разъ то, что ему требуется.

На лѣвомъ клиросѣ, на небольшомъ возвышеніи, около подсвѣчника рядомъ съ образомъ какого-то святого со строгимъ, сердитымъ лицомъ, есть свободное мѣсто. Позади, на клиросѣ стоятъ два какихъ-то старика. Одинъ изъ нихъ посмотрѣлъ на Володю и быстро закивалъ ему головою. Володя испугался, но, взглянувъ, онъ увидалъ, что старикъ вовсе не смотритъ на него и не думаетъ кивать ему головою. У него просто тряслась голова.

Рядомъ стоялъ другой старикъ, съ большою бѣлою бородою, совсѣмъ лысый, но съ густыми черными съ просѣдью

бровями, низко и сумрачно нависшими надъ глазами, которые, какъ бы непріятно и холодно смотрѣли теперь на Володю.

Володя смутился, отвернулся и рѣшилъ не смотрѣть больше на сердитаго старика.

Кончилось пѣніе. Настала странная тишина — тишина благоговѣйнаго ожиданія. Казалось, ^{даже} всѣ собравшіеся ждутъ не простого удара въ колоколъ, а наступленія чего-то великаго и важнаго. Зажгли свѣчи. Почти у всѣхъ на лицахъ было выраженіе какого-то безпокойства и тревоги. Многіе вынимали часы и смотрѣли на нихъ. А минуты ползли такъ медленно.

Но вотъ глухо, робко и неувѣренно раздался первый ударъ колокола. По церкви пронесся общій вздохъ и всѣ начали креститься. Затѣмъ второй, третій... дружно и смѣло полились одинъ за другимъ удары колокола, громко возвѣщая всѣмъ, чтожданное и желанное совершилось. Изъ главнаго алтаря вышелъ крестный ходъ и съ пѣніемъ „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“ направился изъ церкви. Народъ заволновался, заторопился и двинулся вслѣдъ, а въ двери, теперь уже открытыя настежъ, неся шумный, безпокойный и радостный перезвонъ колоколовъ. Звуки спѣшили, догоняли другъ друга, сливались и улетали куда-то ввысь, чтобы и тамъ такъ же весело рассказать на своемъ безсловесномъ языкѣ о томъ радостномъ событіи, праздновать которое собрались люди.

Володя, исполняя приказъ мамы, не пошелъ изъ церкви. Онъ съ интересомъ смотрѣлъ, какъ вспыхнули краснымъ огнемъ правыя окна церкви отъ зажженныхъ бенгальскихъ огней.

Вотъ крестный ходъ завернулъ, должно быть, за церковь и сейчасъ пойдетъ по лѣвой сторонѣ.

Володя, забывъ совсѣмъ о старикахъ, подошелъ поближе къ окну у клироса и сталъ вглядываться въ окно. Но окно запотѣло и ничего разобрать нельзя было. Но вотъ и тутъ вспыхнуло зарево огней, и Володя вздрогнулъ.

Отчего вздрогнулъ Володя, онъ и самъ не зналъ. Оттого ли, что такъ внезапно вспыхнулъ огонь или оттого, что до него дотронулся ру о сердитый сѣдой старикъ.

Со страхомъ поднялъ Володя на старика свои испуганные глазки и увидалъ, что борода у него теперь уже не бѣлая, а розовая, а лицо совсѣмъ какъ у того святого, чей образъ виситъ на стѣнѣ.

Ты бы, мальчикъ, снялъ пальто, сказалъ старикъ, жарко и ты устанешь. Снимай-ка, я положу его на окно, да и шапочку-то свою давай... Молиться свободнѣе будетъ.

Отъ этихъ словъ, сказанныхъ, если и не ласково, то все-таки дружелюбно, у Володи пропалъ весь страхъ и онъ удивился, какъ это такой строгій старикъ, съ такими чудными бровями и сердитыми глазами, можетъ говорить такія простыя слова.

Благодарю васъ, отвѣтилъ осмѣлившій Володя... Я раздѣнусь... мама мнѣ тоже велѣла.

Володя снялъ пальто. Старикъ помогъ положить его на окно и взялъ у Володи шапку.

У закрытыхъ наглухо церковныхъ дверей раздалось дружное пѣніе, глухо отдаваясь въ опустѣвшей на-половину церкви. Но вотъ двери отворились и ликующее пѣніе „Христосъ Воскресе“ вмѣстѣ съ струей свѣжаго воздуха ворвалось въ церковь и сразу наполнило ее всю до самаго купола.

Началась служба.

Володя стоялъ, смотрѣлъ на народъ и изрѣдка крестился. Нѣсколько разъ мимо него прошелъ священникъ съ крестомъ

и тремя свѣчами въ одной рукѣ и съ кадиломъ въ другой. Онъ громко и торжественно провозглашалъ; „Христось Воскресе“, а весь окружающій людъ отвѣчалъ: „Воистину Воскресе“. Громкій и властный одинокій голосъ и тихіе, какъ бы робкіе, смѣшанные отвѣты странно сливались съ радостно и увѣренно звучащими пѣснями хора.

Володя смотрѣлъ на общее веселое возбужденіе, на довольныя, радостныя лица, и на сердца у него зашевелилась тоска. Онъ припомнилъ, какъ весело и радостно встрѣчалъ онъ прошлую пасху, когда вмѣстѣ съ мамою былъ у заутренѣ; мама была такая возбужденная, радостная и у него было такъ тепло и хорошо на душѣ, а теперь онъ одинъ, ему такъ жутко и невесело; мама больна, мама дома, у мамы горе, мама часто плачетъ потихоньку и не спитъ ночами и скрываетъ это отъ Володи, но Володя все видитъ, знаетъ и понимаетъ.

Господи, думаетъ онъ, смотря прямо на образъ Богородицы съ младенцемъ Христомъ, почему такъ устроено, что однимъ хорошо и весело, а у другихъ горе, нужда, слезы... Если хорошенько попросить у Бога, то не можетъ Онъ не сдѣлать...! А вѣдь онъ, Володя, будетъ просить ни чего-либо дурного, а хорошаго... Пусть только Милый Боженъка устроить такъ, чтобы мама не плакала, чтобы у нея не было горя, чтобы хозяинъ не прогонялъ съ квартиры, чтобы было что покушать, чтобы мама выздоровѣла, а ужъ онъ, Володя, готовъ на все...

Володя сталъ на колѣни и забылся... Вдали гремѣли радостныя пасхальныя пѣсни, а Володя плакалъ и молился. Сладкая тоска томила его сердце, что-то до боли сжимало горло и на глаза то и дѣло набѣгали слезы, а онъ старался незамѣтно вытирать ихъ, когда кланялся въ землю.

А какъ хорошо жилось, когда папа былъ живъ. Милый

папа, гдѣ-то онъ теперь? Зачѣмъ онъ умеръ? Лучше бы умереть ему. Володѣ. Онъ такой маленькій, ненужный, а папа былъ такой хорошій, добрый; онъ такъ любилъ его. Бывало, часами сидѣлъ онъ у папы на рукахъ, вотъ, какъ младенецъ Христосъ, на иконѣ, у Своей Матери, и папа былъ съ нимъ всегда такъ ласковъ.

Володя пристально сквозь слезы, застилавшія глаза, смотрѣлъ на образъ и вдругъ ему показалось, что младенецъ Христосъ осторожно, чтобы не замѣтили другіе, киваетъ ему головою, ласково на него смотреть и какъ будто хочетъ что-то сказать. Схватился Володя ручками за свои глазки, протеръ ихъ, думая не во снѣ ли онъ и снова посмотрѣлъ на образъ.

Передъ иконою стоялъ большой серебряный подсвѣчникъ, густо уставленный массою восковыхъ свѣчей, тускло мерцавшихъ въ душномъ воздухѣ. Отъ ихъ пламени замѣтно бѣжали вверхъ колеблющіяся волны горячаго воздуха, насквозь пронизанныя золотистымъ отблескомъ огней... А тамъ, выше, тамъ по-прежнему стояла Святая Мать съ Своимъ Младенцемъ Сыномъ и по-прежнему Оба ласково смотрѣли на Володю и что-то безмолво говорили.

„Не плачь, шептало что-то на сердцѣ у Володи, Я воскресъ, надо радоваться, а не печалиться. Я былъ такой же маленькій, какъ и ты. Я такъ же любилъ Свою Мать, Я понимаю тебя... Не плачь... Не плачь, Я люблю тебя и не оставлю тебя“...

Спокойнѣе стало на душѣ у Володи. Все еще набѣгали слезы, но слезы не горя и отчаянія, а успокоенія и тихой любви.

III.

Заутреня кончилась. Народъ зашевелился, зашумѣлъ.

Потушили свѣчи и всѣ стали поздравлять другъ друга и цѣловаться.

Володя спокойно смотрѣлъ теперь на окружающих и ждалъ, пока народъ немного разойдется и станетъ попросторнѣе, чтобы и самому одѣться и идти домой.

Вдругъ кто-то тронулъ его за плечо. Володя оглянулся и увидалъ близко отъ себя наклонившееся строгое лицо суроваго старика.

— Христось Воскресе, сказалъ старикъ и потянулся къ Володѣ.

Володя не сразу сообразилъ, чего хочетъ отъ него строгій старикъ.

— Воистину Воскресе, отвѣтилъ онъ, наконецъ, съ запинкой, и старикъ нагнулся и крѣпко поцѣловалъ его три раза.

Сѣдые щетинистые усы кололи Володѣ губы и щеки, черные пронизательные глаза изъ подъ длинныхъ насупленныхъ бровей пытливо смотрѣли прямо ему въ лицо, какъ бы отыскивая въ немъ что-то родное или знакомое.

— Старый и малый, сказалъ онъ, и оба одинокіе... Какъ тебя звать?

— Володя.

— Почему одинъ?

— Мама больна.

— А отецъ?

— Папа умеръ...

— А, а-а.

— Я на тебя смотрѣлъ, сказалъ снова суровый старикъ, маленькій ты, а хорошо въ церкви стоишь, хорошо Богу молишься. Знай, Богу молиться и почитать отца съ матерью — самое главное въ жизни.

Володя надѣлъ свое старенькое драное пальтецо и взялъ съ окна шапку.

— Погоди, сказалъ старикъ, пойдемъ и я съ тобой пойду. Ты что же, обѣдню стоять не будешь?

— Мнѣ мама не велѣла.

— Я тоже не буду. Старъ, усталъ... А ты слушайся мать, это хорошо.

Старикъ надѣлъ пальто. Володя, увидя, что онъ что-то ищетъ, догадался и вытащилъ изъ уголка большія кожаныя галоши.

Старикъ еще разъ какъ-то особенно внимательно посмотрѣлъ на мальчика и сказалъ поучительно и строго:

— Уважай старшихъ и Богъ тебя наградить... Дай руку.

Онъ взялъ мальчика за руку и они стали пробираться къ выходу.

На улицѣ было все такъ же пустынно, но зато тишины въ воздухѣ больше уже не было. Отовсюду, со всѣхъ концовъ города неся разноголосый благовѣстъ и густой серебряною сѣтью висѣлъ въ воздухѣ между небомъ и землею.

Свѣжій, влажный весенній воздухъ пріятно свѣжилъ голову послѣ жаркой духоты церкви. Грудь дышала свободнѣе и глубже.

— Ты гдѣ живешь? — спросилъ старикъ своего маленькаго спутника. Далеко?

— Нѣтъ, недалеко. Вотъ сейчасъ на большой улицѣ, въ угольномъ домѣ, гдѣ лавка.

— Въ домѣ Куликова? Знаю. А сколько тебѣ лѣтъ?

— Девять.

— Девять? Только-то. О чемъ же ты въ церкви плакалъ?

— Мама больна... плохо ей... плачетъ она все..., а мнѣ жалко...

— О чемъ же она плачетъ?

— Обо всемъ плачетъ, откровенно сказалъ Володя. Папа умеръ, о папѣ плачетъ; больна она, на службу не ходитъ, а ее прогнать грозятся и денегъ не платятъ, она опять плачетъ... Хозяинъ съ квартиры гонитъ; только, говоритъ, какъ праздникъ пройдетъ, сейчасъ я васъ сгоню съ полиціей, вотъ она и плачетъ... Дѣдушка у насъ есть, я его никогда не видалъ, а только, по всему видно, старый и сердитый; онъ на маму сердится и видѣть ее не хочетъ за то, что она моего папу полюбила и вышла за него замужъ; она и объ этомъ плачетъ... Любить, вѣдь, она его, дѣдушку-то. Меня учить, молись за него, онъ старенькій, ему твои молитвы нужны. Я говорю, мама, не буду я за него молиться, не хочу, онъ тебя не любитъ, онъ тебя обижаетъ, и его за это Богъ накажетъ... А она говоритъ: глупенькій ты, Володя, ничего не понимаешь... Вѣрь мнѣ и молись за дѣдушку Никиту...

— Какъ ты сказалъ? — внезапно вздрогнувъ, почти закричалъ старикъ и схватилъ Володю за руку... Какъ ты сказалъ?

Испуганный Володя умолкъ, и только тогда, когда старикъ въ третій разъ спросилъ болѣе мягко:

— Какъ ты назвалъ, за какого дѣдушку велить мать молиться?

— За дѣдушку Никиту, — отвѣтилъ робко Володя, не понимая, зачѣмъ началъ кричать его старый спутникъ.

— Такъ, такъ... — зашепталъ старикъ, и Володя, взглянувъ на него, увидалъ при свѣтѣ близкаго фонаря, какъ лицо его исказила судорожная гримаса.

— Такъ, такъ, — шепталъ старикъ, то-то я стою въ церкви и смотрю, какъ будто на кого-то похожъ... И невдомекъ мнѣ..., какъ вылитая моя Манюша, когда маленькая была...

Володя молчалъ, замолчалъ и взволновавшійся старикъ, и оба шли молча среди пустынной улицы, а съ вышины неслись серебряные звуки и говорили о Воскресеніи, о воскресеніи любви, добра и всепрощенія.

— Какъ зовутъ мать?—какимъ-то свистящимъ шопотомъ спросилъ старикъ, нагибаясь къ мальчику и останавливаясь около фонаря, чтобы лучше разсмотрѣть его лицо.

— Маму зовутъ Марья Никитична.

— А фамилія?

— Киселева.

— Такъ, такъ. А отецъ, говоришь, померъ?

— Да. Папа умеръ уже года два.

— Ишь ты, грѣхъ какой, а я живу и ничего не знаю. Ну и характеръ у Марьи, весь въ меня... А мать-то, говоришь, больна?

— Да, давно больна. Трудно ей было, отъ работы и захворала.

— Господи! Да что же это такое! Не можетъ быть ошибки, вскричалъ старикъ и, сорвавъ шапку съ головы, порывисто сталъ креститься, затѣмъ схватилъ Володю за голову, сталъ его цѣловать, приговаривая: Христось Воскресе, Володя, Христось Воскресе...

— Воистину Воскресе,—отвѣчалъ Володя, стараясь высвободиться изъ цѣпкихъ рукъ старика.

— Прощайте,—крикнулъ онъ, собираясь бѣжать. Я уже пришелъ, это нашъ домъ и мнѣ въ эти ворота.

— Погоди малость,—запросилъ старикъ, скажи только, давно мать здѣсь живетъ?

— Около года, какъ мы пріѣхали въ Москву...

— А обо мнѣ мать часто вспоминаетъ?

— О васъ?—спросилъ удивленно Володя.

— Ахъ... что я!.. не обо мнѣ, а объ этомъ старикѣ, о дѣдушкѣ Никитѣ часто вспоминаетъ?

— Да постоянно... Она только мнѣ и говоритъ, что о покойномъ папѣ, о дѣдушкѣ, да о бабушкѣ... Бабушка тоже умерла, когда мама еще молодая была. Мама-то дѣдушку любить, а вотъ онъ ее не любитъ, и я его не люблю... (Молиться я за него молюсь, какъ мама велитъ, а любить, нѣтъ, не люблю...)

— Какъ ты смѣешь такъ говорить,—сердито закричалъ опять старикъ... Развѣ ты смѣешь осуждать старшихъ... Пойдемъ къ матери...

Володя совсѣмъ испугался строгаго старика.

— Простите меня,—сказалъ онъ, если я васъ обидѣлъ, а не ходите жаловаться къ мамѣ. Мама больна, она разстроена и разстроится еще больше... Я не хочу, чтобы она огорчалась изъ-за меня... Простите...

— Глупый,—въ первый разъ мягко и ласково сказалъ старикъ, развѣ я жаловаться хочу мамѣ... Я хочу разговѣться съ вами...

— Нѣтъ, этого тоже нельзя,—серьезно и дѣловито возразилъ Володя... Вотъ въ прошломъ году другое дѣло было...

— Почему же нельзя въ этомъ году? — недоумѣвающе спросилъ старикъ...

— Такъ...

— Говори же, мальчикъ, толкомъ...

— Да что говорить... Нечѣмъ разговляться, вотъ и все... Обѣщалъ дядя Павлинъ устроить, да ничего не вышло. Хотѣлъ вечеромъ придти и не пришелъ...

— Кто это, дядя Павлинъ?

— Старикъ одинъ, пріятель отца.

— Ну ничего, Богъ дастъ что-нибудь найдется, тѣмъ и рсзговѣмся,—успокоительно замѣтилъ старикъ.

— Ничего не найдется, и ходить нечего...

— Ладно, — разсмѣялся впервые старикъ, вижу, что ты не хочешь меня къ себѣ въ гости позвать, но я все равно пойду... Иди, показывай дорогу.

Въ голосѣ незнакомаго старика было столько спокойнаго сознанія права и столько властности, что Володя повиновался и пошелъ впередъ въ свою квартиру.

*
* * *

Въ квартирѣ, съ тѣхъ поръ какъ ушелъ Володя, произошла нѣкоторая перемѣна.

На кровати попрежнему лежала больная, но теперь къ кровати былъ близко придвинутъ столъ, стоявшій раньше у окна. Ярko горѣвшая лампа освѣщала богатые яства, чинно разставленные по столу...

Тутъ было и блюдо съ крашенными яйцами, и кусокъ ветчины, и масло, и сыръ. Куличъ и пасха были отосланы въ церковь на освященіе со старою кухаркою Авдотьей.

Все это волшебство устроилъ дядя Павлинъ. Онъ пришелъ почти слѣдомъ за Володею, какъ только тотъ ушелъ.

— Какъ мнѣ благодарить васъ, дядя Павлинъ, говорила больная со слезами на глазахъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Вы лучшій другъ, какого только можно желать отъ Бога. Чѣмъ только я сумѣю отблагодарить васъ... я бѣдная, больная женщина, дни которой можетъ быть уже сочтены.

— Э, полно-те, матушка, что за счеты.. Не вы въ долгу у меня, а я въ вѣчномъ неоплатномъ долгу передъ покойнымъ вашимъ мужемъ... Всѣ мои услуги ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для меня...

— Сочиняете вы все это, дорогой, чтобы только меня успокоить, но да вознаградить васъ Богъ за все, а я могу

только поблагодарить словами ото всего сердца, да помолиться за васъ отъ самой глубины души.

— И прекрасно, матушка, и говорить объ этомъ нечего. Мнѣ досадно, что я не могъ добраться къ вамъ пораньше. Дѣло въ томъ, что я деньги-то получилъ только вечеромъ, а тутъ уже все заперто. Вотъ и пришлось хлопотать... Трудно было достать, ну да Богъ помогъ, да добрые люди выручили. Теперь и мы разговѣмся по-порядку.

Дядя Павлинъ замолчалъ и о чемъ-то задумался. Наконецъ онъ сказалъ:

— А что, матушка, хочу я у васъ одну вещь спросить.

— Спрашивайте...

— Вопросъ-то, матушка, деликатный. Боюсь, не огорчить бы васъ...

— Что вы, дядя Павлинъ, чѣмъ вы можете меня огорчить? Развѣ я не знаю вашего ко мнѣ расположенія.

— Такъ-то такъ! матушка, а ужъ и не знаю, право...

— Говорите же, если начали.

— Завтра большой праздникъ, матушка. Люди въ церкви поютъ: „и такъ, другъ друга обьемемъ, рцемъ, братіе,—и ненавидящимъ насъ простимъ все и таково возопіемъ: Христосъ Воскресе“. Хорошая, сударыня, эта пѣснь. Великія слова говорить она...

— Въ чемъ же все-таки дѣло, дядя Павлинъ. Я не понимаю ничего...

— Не понимаете? Помириться, сударыня матушка, надо съ отцомъ-то... Вѣдь, онъ, старый, постарше меня, пожалуй. Простить надо, если обида есть, да какая можетъ быть обида отъ родного отца...

— Ахъ, дядя Павлинъ, голубчикъ. Я развѣ сержусь на него... Да накажи меня Богъ, я его все попрежнему люблю. Развѣ я къ нему не ходила и не надоѣдала съ своею любовью.

Десять лѣтъ, какъ я замужемъ, и за это время всѣ первые восемь лѣтъ, когда мы жили съ мужемъ въ довольствѣ и счастіи, я каждый годъ по нѣскольку разъ и сама ходила и письма писала. Просила простить, позабыть... Писала, что я счастлива, что мой мужъ рѣдкій человѣкъ, что у меня растетъ сынъ, и на всѣ мои обращенія я не получила ниразу никакого отвѣта. Лично меня не допускали до отца по его же приказанію, на письма не отвѣчали. Одинъ разъ встрѣтила отца случайно на улицѣ, хотѣла подойти къ нему заговорить, а онъ узналъ меня, посмотрѣлъ на меня такъ неласково, „не подходи“ чуть не закричалъ на меня и отвернувшись, быстро ушелъ...

Правда, съ тѣхъ поръ и я не пыталась больше увидаться съ отцомъ. Въ это время захворалъ и умеръ мужъ... Пошли невзгоды, настала пора бѣды и горя, надо одной терпѣть... Зачѣмъ я подумала теперь къ отцу? Я шла къ нему, когда была счастлива, несла ему и привѣтъ и ласку и любовь, а теперь зачѣмъ я пойду къ нему? За помощью, за деньгами? Этими вещами любви отца не вернешь, а безъ нея мнѣ отъ отца ничего не нужно, самой же мнѣ теперь не до даровъ...

— Не волнуйтесь, дорогая Марья Никитична, и простите меня, глупаго старика. Развѣ я понимаю все это? По моему, только простить все надо попросту, ото всей души.

— Да, я не сержусь и прощать мнѣ нечего...

Въ это время раздался звонокъ.

— А вотъ и Володя,—сказала больная.

Дядя Павлинъ, не спѣша и покряхтывая, всталъ со стараго продырявленнаго стула, своего обычнаго мѣста, и отправился на кухню отпирать дверь.

Больная осталась одна.

Въ кухнѣ слышались голоса. Вотъ слышенъ голосъ Володи, вотъ говорить дядя Павлинъ, а вотъ еще кто-то.

Дядя Павлинъ зачѣмъ-то затворяетъ дверь въ кухню и разговоръ доносится оттуда совсѣмъ неясно.

— Какъ все это странно,—думаетъ больная, что у нихъ тамъ такое? Вѣрно опять какой-нибудь сюрпризъ Павлинъ готовить.

Но вотъ дверь отворилась и въ комнату вошли дядя Павлинъ и Володя.

Володя былъ красенъ и чѣмъ-то, должно быть, сильно взволнованъ. Увидя накрытый столъ, онъ остановился въ удивленіи.

— Откуда это,—спросилъ онъ.

— А, братъ, проголодался,—сказалъ дядя Павлинъ. Иди, похристосуйся сперва съ матерью.

Володя подошелъ и трижды поцѣловался съ мамою.

— Что съ тобою, Володя? — спросила мама. И что у васъ тамъ на кухнѣ за секреты, что вы дверь затворяете?

— Это вѣрно, что секретъ, и даже большой секретъ,—отвѣчаетъ дядя Павлинъ съ немалымъ смущеніемъ. Можно даже сказать неожиданность....

— Какая еще неожиданность?

— А такая, матушка, что къ намъ гость пришелъ и хочетъ васъ видѣть...

— Какой гость? Опять дворникъ, что ли?

— Что за дворникъ. Нѣтъ, матушка, такой гость, что всѣмъ гостямъ гость...

— Да кто же такой, и кому и откуда въ такую пору взяться?

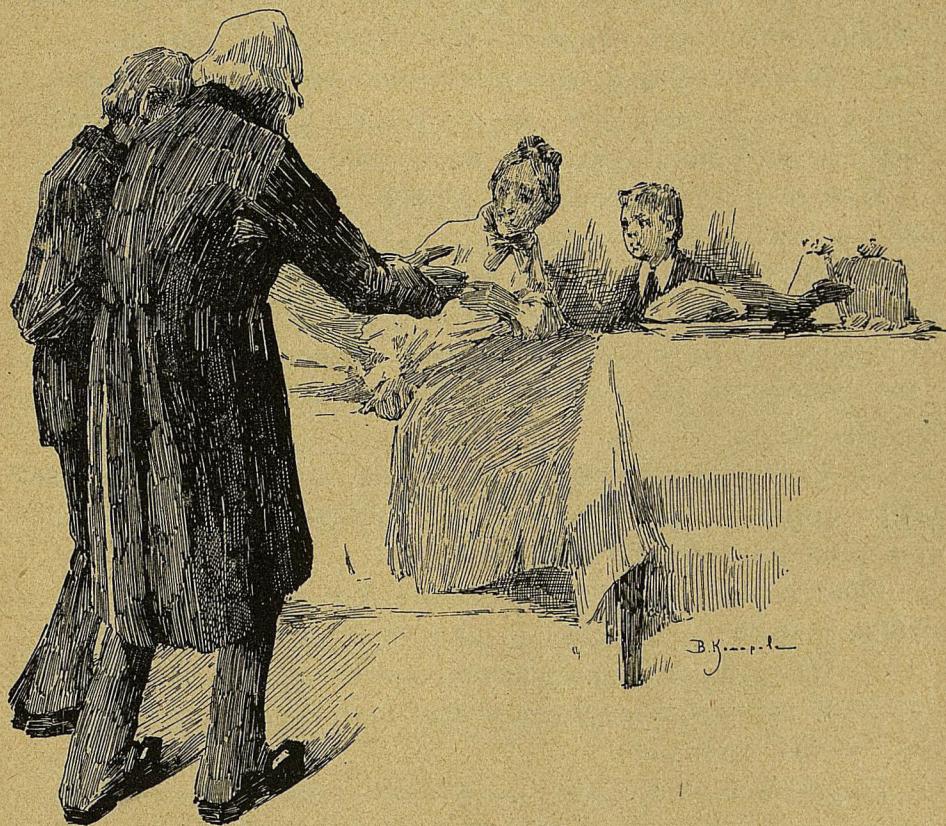
— А намъ его, матушка, Богъ послалъ.

— Не шутите вы, ради Бога, — взволновалась больная, говорите прямо въ чемъ дѣло. Разстраиваете вы меня съ вашей политикой...

— Да ужъ такое дѣло, матушка, что придется немножко разстроиться... Все Володя надѣлалъ, онъ и гостя привелъ...

— Володя?—спросила больная.

Володя подошелъ къ матери, обнялъ ее и тихо, почти на ухо, сказалъ:

— Мама, дорогая мама, со мной пришелъ дѣдушка Никита.

— Отецъ!—закричала больная, гдѣ же онъ?

— Здѣсь,—сказалъ, входя въ комнату, тотъ самый старикъ, который стоялъ съ Володией на клиросѣ и провожалъ его домой.

— Дочь моя, вотъ какъ привелъ Богъ свидѣться,—ска-

залъ дѣдушка и со слезами сталъ обнимать и цѣловать больную, приговаривая: Маня, Манюшечка моя, горевалъ я по тебѣ, изболѣлось мое сердце... Дорогая ты моя!..

Дядя Павлинъ взялъ Володю за руку и потихоньку вывелъ его въ кухню.

Тутъ они затворили дверь, чтобы дать просторъ отцу и дочери облегчить наединѣ свои наболѣвшія сердца.

— Вотъ, Володя, говорилъ шопотомъ дядя Павлинъ, былъ у тебя только дядя, да и тотъ не настоящій, а теперь у тебя и настоящій дѣдушка нашелся!..

Володя нѣжно обхватилъ руками шею старика и ласкаясь, и цѣлуя его говорилъ:

— Тотъ дѣдушка, а ты дядюшка, тотъ настоящій, и ты самый настоящій и я тебя люблю и всегда любить буду. И того дѣдушку полюблю, если онъ съ мамою хорошъ будетъ, а тебя все-таки не промѣняю ни на кого, милый, старый дядя Павлинъ.

— Такъ, милый, такъ, люби меня, дорогой, не забывай своего старого дядю, шепталъ растроганный старикъ, крѣпко прижимая къ себѣ Володю.

Оба задумались и замолчали, чувствуя, что произошло важное событіе и произошло какъ-то странно и чудесно.

— Какъ ты его отыскалъ?—спросилъ дядя Павлинъ.

— Я его не отыскивалъ,—отвѣчалъ Володя. Это какъ-то само собою случилось.

И рассказалъ Володя, какъ онъ стоялъ со смягченною душою въ церкви, какъ скорбѣлъ и плакалъ, какъ молился горячо со слезами и какъ послѣ этого у него на душѣ стало спокойно и хорошо, и какъ все произошло дальше.

Еще разъ обнялъ мальчика старый дядя Павлинъ и сказалъ:

— „Воистину Христосъ воскресъ“.

Отчего сосна шумить.

(Легенда).

Когда Христа распинали, всѣ росы улетѣли въ небо еще съ ранняго утра, такой испугъ и страхъ напалъ на нихъ, и только одна капля осталась, забила подъ листокъ и трепетала и нервнo дрожала.

— Чего дрожишь,—говорилъ листокъ, за которымъ капля укрылась,—ни себѣ покоя не даешь, ни мнѣ. Перестань!

— Глупый листокъ,—возражала капля.—Уже не думаешь ли ты, что я по своей винѣ дрожу?

— А по чьей же?—спросилъ листокъ и насмѣшливо улыбнулся.—Конечно, по своей.

— Такъ я и знала. Не по своей, а по волѣ злыхъ людей; злые люди заставляютъ Христа страдать и мучиться, и всѣ мои подруги улетѣли въ небо еще съ ранняго утра.

— Почему же ты не улетѣла?

— Я была такъ напугана—и опоздала.

— Улетай сейчасъ.

— Боюсь; солнце высоко; оно можетъ изсушить меня и я умру.

— Такъ упади на землю.

Капля обидѣлась.

— На землѣ много гнилыхъ листьевъ и земля грязная, а я чистая. Развѣ ты не видишь, какая я чистая?—какъ горный хрусталь.

Въ это время прилетѣла птичка съ красной шейкой и такъ радостно и торжествующе запѣла, что капля не выдержала, выглянула изъ-за листка и съ укоромъ сказала:

— Теперь не время для пѣсенъ: теперь надо плакать, а не пѣсни пѣть.

И птичка съ красной шейкой съ недоумѣніемъ принялась оглядываться. А потомъ сказала:

— Я радостно пою потому, что я сдѣлала святое дѣло.

Удивилась капля, что птичка такъ смѣло говорить.

— Какое же твое дѣло?—спросила она. — Ну, ну, Расскажи.

— Я облегчила страданія Распятаго на крестѣ—изъ головы Его вынула терновый шипъ.

Поглядѣла капля на птичку и только сейчасъ замѣтила, что шейка у птички была красная отъ брызнувшей крови.

— Да, да, ты права; ты совершила великое и святое дѣло, а я...

Но красношейка не дала ей договорить.

— Онъ томится отъ жажды и уже трижды сказалъ: „жажду!“ и никто не хочетъ утолить Его жажду, никто не желаетъ облегчить Его страданій.

И сказала капля:

— Унеси меня на своихъ крыльяхъ, я утолю Его жажду.

— Садись, только поскорѣе, а то будетъ поздно.

Когда красношейка унесла каплю на своихъ крыльяхъ, листокъ, на которомъ прикрѣпившись дрожала капля, вздохнулъ свободнѣй.

— Слава Богу!—говорилъ онъ и сразу какъ бы ожилъ и былъ прямой и бодрый.—Точно гора съ плечъ свалилась. Теперь и я могу глядѣть въ небо. А то эти дармоѣды... И что только не отягощаетъ насъ: и пыль, и капли, и насѣкомыя всякія. Потомъ начнутъ вѣтры дуть... Безъ преувеличенія можно сказать: ни минуты покоя. И такой безпокойной жизни, какъ наша, кажется въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ.

И едва листокъ произнесъ послѣднія слова, какъ прилетѣла красношейка и принялась громко кричать и прыгала по вѣткамъ.

— Ну, не моя ли правда!—горько жалился листокъ.—И развѣ же я когда вру?

И такъ какъ красношейка прыгала съ одной вѣтки на другую и перелетала съ одного дерева на другое, то принялись роптать и возмущаться и многіе другіе листья.

— Что за безобразіе!—зашептали листья.—Это изъ рукъ вонъ. День еще только начинается и уже столько безпокойствъ. Или ты бурю хочешь накликать? Лети себѣ туда, откуда прилетѣла.

Но красношейка не унималась.

— Не бурю я хочу накликать, — сказала она, — я ищу капель, чтобы утолить жажду Христа.

— Ты уже унесла одну.

— Одной мало.

— Мы не такіе дураки, чтобы отягощать себя каплями, — уже не зашептали, а закричали листья, — мы жажду свою утоляемъ по ночамъ, а днемъ ликуемъ и радуемся. И если одинъ глупый листокъ нашелся, — нѣтъ въ этомъ нашей вины.

И увидела красношейка, какъ вострепонулись листья и одна за другой упали на землю нѣсколько капель и разбились.

Горько заплакала красношейка и опечаленная, убитая горемъ полетѣла навстрѣчу солнцу.

И кроткое солнце нагрѣло лучи и принялось жечь и сушить листья.

И обожженные падали на землю листья—сухіе и черные.

Раздѣтыя и нагія стояли деревья; высоко подымали они сучья, распростертыя какъ руки, и жалобно молили:

— Мы задыхаемся... мы умираемъ... Намъ нечѣмъ дышать. Пошли намъ, Боже, хотя маленькіе, хотя узенькіе листья!

И смиловался Богъ и далъ деревьямъ узенькіе листья, похожіе на иглы.

И сказалъ Богъ:

— Я даю вамъ узенькіе листья. Но не будетъ отнынѣ осыдѣть на ваши листья ни одна капля ни росы, ни дождя, и будете вы шумѣть и роптать вѣчно.

Н. Степаненко.